Харатьян Дмитрий

18.08.97.

ФОТО В. ХРИСТОФОРОВА. ИТАР-ТАСС.

Дмитрий **ХАРАТЬЯН:**

Я артист **неровный и очень** неровный **человек**

Веч. клуб. – 1997. – 28 авг. – С.7

Когда на экранах появилась первая серия знаменитых "Гардемаринов", все женское население страны с ума сходило по нежному, романтичному Алеше Корсаку. Но письма от поклонниц Дмитрий Харатьян стал получать еще раньше — когда пятнадцатилетним мальчиком снялся в фильме "Розыгрыш". Все помнят Харатьяна и в знаменитом "Зеленом фургоне". С тех пор к актеру приклеился ярлык негласного секс-символа 80-х . Но недавно любимый киногерой стал театральным актером. Он сыграл во мхатовском спектакле "Злодейка, или Крик дельфина", в антрепризах "Нина" и "О людях и мышах". Эта, последняя роль Дмитрия Харатьяна — Джордж — по-настоящему трагична, она открыла до с их пор неизвестную грань его таланта. Сегодня 36-летний Дмитрий Вадимович имеет на счету более 20 фильмов и два компакт-диска.

— Семь лет назад вы говорили, что еще не считаете себя хорошим актером. Этот период уже прошел?

— Все равно есть некий потолок: если сравнивать со Смоктуновским или с Олегом Меньшиковым, то я никогда не буду их уровня актером. У меня есть твердое осознание себя в профессии — я понимаю, что могу, а что не могу.

— Вы сыграли в спектакле МХАТа "Злодейка, или Крик дельфина". Волновались?

— Очень сильно волновался, но потом пришел Миша Ефремов и сказал: "Слушай, ты так сыграл, что даже сорвал аплы!" Наверное, клакеры какие-то пришли.

— Вас раздражают эти клакеры, фанатки в просторечии?

— Да нет, я пошутил, какие фанатки. Это от меня очень далеко. В спектакле я поставил для себя определенную планку, и считаю, что ее взял. Это было спровоцировано, конечно, Мишей Ефремовым, он известный авантюрист. Но мне скучно стало этим заниматься. Раз в полгода я могу сыграть для собственного кайфа. Но быть с этим спектаклем постоянно я бы не смог. Это мхатовский спектакль, сложившийся коллектив, не антреприза.

— Почему вы предпочитаете антрепризу работе в постоянной труппе?

— Эта форма для меня очень удобна, потому что я актер со сложившимся стилем и образом жизни — киноактер. Меня любые стены какой-то структуры, будь то театр или киностудия, давят, я вообще всегда был вне этого, я был свободным художником и работал по договорам. Поэтому если бы я попал в театральный коллектив, то он бы меня, конечно, задушил. Для меня антреприза — это идеальная ситуация. Я приглашен на одну роль и играю ее с удовольствием.

— После премьеры "Людей и мышей" на НТВ вышла пятнадцатиминутная программа, где некая молодая критикесса говорила, что все это так слабо, так беспомощно...

— Она так все это увидела. Но при этом сам тон был настолько бестактным, настолько претенциозным, настолько менторски свысока она говорила. А это был первый спектакль вообще. Конечно, если у тебя цель прийти на спектакль, разобрать его по косточкам и уничтожить со своей циничной позиции молодого человека, у которого вся жизнь впереди, то это даже понятно. Я просто помню себя в студенческие годы — Господи, да у меня не было границ вообще, я такую чувствовал свободу, у меня было такое бескорыстное будущее, чистое совершенно. Не знаю, может, это профессия критика такая, но профессия, где все строится на отрицании, а не на созидании, для меня ужасна. То есть не профессия, а понимание профессии. Не понимаю, как еще Иисусу Христу не досталось от наших критиков. Ну все мы грешны. Только что для нас важнее — то, что Пушкин был бабником, или все-таки то, какой он поэт и что он оставил для человечества, не говоря уж о России? Грехи-то в каждом найти можно, но критика — это что, гестапо, что ли?!

— Однажды вы сказали, что хотели бы сыграть Гамлета, но момент еще не настал. А сейчас?

— Не собственно Гамлета, но нечто такое по глубине, по силе и значимости, что сравнимо с Гамлетом — Сирано де Бержерака, Калигулу я бы сегодня попробовал сыграть.

— Считаете себя актером на все амплуа?

— Оттого, что я сейчас скажу, суть не изменится. В принципе я думаю, что иллюзии есть у всех. Так же и мне хотелось бы быть разноплановым артистом. А для того, чтобы им слыть, им нужно быть, а не казаться. Нужно поле деятельности, на котором ты показываешь, что ты можешь. Допустим, в характерной роли мне интереснее, мне есть за что зацепиться, я себя более комфортно чувствую. В драматических ролях на сцене менее комфортно, но это не значит, что я совсем не могу это делать. Мне этим интересно заниматься, и я думаю, что еще какую-то высоту я не взял.

— Вы где-то обмолвились, что прежде чем играть спектакль в Москве, хорошо бы обкатать его в провинции...

— Я не хочу обидеть или унизить московскую публику, но я не люблю здесь играть. Здесь не та реакция абсолютно, я не знаю почему.

— Снобы?

— Нельзя же всех под одну гребенку! Что значит "снобы"? Но есть некая тенденция, она в воздухе витает, я ее ощущаю. У московской публики большая степень подготовленности, ей есть с чем сравнивать. И в большинстве своем, видимо, люди приходят не с открытой душой, а с мыслью: "Ну что они нам тут покажут?". То есть чем будут удивлять. А удивлять мы ничем не собираемся. Я вообще не считаю, что цель искусства обязательно потрясение, катарсис. В Москве, конечно, тоже нужно играть, но предварительно лучше подготовиться, накатать в провинции. Даже Никоненко в "Нине" год уже играет, а все его иногда клинит. А что говорить обо мне? Мы в Москве играли два раза, и оба раза я шел на сцену, как на Голгофу. Вообще эти два спектакля — "О людях и мышах" и "Нина" — с точки зрения завзятого столичного театрала, конечно, ничего нового в себе не несут. Но это хорошо, добротно сделанные спектакли.

— Сложно оставаться на пике популярности?

— Сложно продолжать относиться к себе адекватно после той пены, которую вокруг тебя разводят. Есть культовые персоны — вроде Пугачевой, которые доказали, что они состоятельны. А у меня — взлеты и падения, я артист неровный и человек очень неровный.

— Вы называете себя пессимистом, любите одиночество. Так устаете от работы и общения?

— Прежде всего устаю от самого себя, от метаний, колебаний, сомнений. Я вроде бы человек с сформировавшимися принципами, но они настолько шатки... Знаю заповеди Христа, пытаюсь им следовать, но это не всегда удается. Чтобы честно соответствовать заповедям, нужно полностью менять жизнь, уходить в монастырь, а этого я сделать никогда не смогу.

— А ваши дети на вас похожи?

— У меня один ребенок, дочка, она мало на меня похожа. И по характеру, и внешне. Скорее на жену мою похожа.

— К политике как относитесь?

— Никак. Индифферентно. Стараюсь быть подальше от этого, поскольку ничего не понимаю и не пытаюсь понять, мне это не интересно. Любой политической дискуссии предпочитаю прогулку со своим сеттером по кличке Форрест.

— Любите животных?

— У меня дома всегда были животные. Какие-то собаки бездомные, кошки, ежики, хомяки... Сейчас, кроме Форреста, есть еще кошка и кот — Федя и Ксюша. Они живут на даче с моей мамой.

— А сами вы до сих пор в Красногорске живете?

— Да, и вокруг моего дома ад кромешный. Я еще ни одного дня не прожил без стуков, завываний автомобилей, пыли, грязи, забивания свай и так далее. Бесконечное созидание.

— В Москву не хотите перебраться?

— А зачем? Во-первых, я привык, а во-вторых, у меня нет таких возможностей — перебираться в Москву, поскольку это стоит некоего количества денег, которого у меня просто нет. И цели такой нет, собственно говоря.

— У вас есть рецепт от хандры, от плохого настроения?

— Обычно я просто жду, пока само не рассосется. Но в принципе средство от хандры существует: нужно отвлечься и заняться чем-то вообще. Не просто сидеть сложа руки или лежать, тупо глядя в потолок, а пойти постирать, например. Или просто проехаться на машине, или посмотреть хороший фильм — чем-то занять себя. А можно просто поспать. Кстати, для меня сон — лучшее лекарство. При всех тяжелых переживаниях и обстоятельствах жизни утро вечера всегда мудренее: ощущение радости нового дня обязательно приходит.

Встречалась Анастасия **ТОМСКАЯ**.

На снимке: Дмитрий Харатьян с женой Мариной.